

Ли Чжаоин улыбнулся: «В Чанъань я вернусь. Служба в уезде нужна для опыта. Лишь поняв жизнь народа, можно принимать по-настоящему полезные для людей решения».

На мгновение Ли Гуаньцзин счел эти слова неуместными — решения, касающиеся народного благосостояния, не должны исходить от чиновника. Но тут же он вспомнил, что его младший брат долго жил в Цзяннани, вдали от двора, и оговорка была вполне естественной. Не стоит придирается к словам. Более того, если вдуматься, речь Ли Чжаоина звучала благородно и возвышенно. Видеть в ней иной смысл было бы неуважением к нему самому.

Ли Чжаоин с надеждой смотрел на князя.

Ли Гуаньцзин хотел вмешаться, едва вымолвил «Айе», как князь жестом остановил его и обратился к Ли Чжаоину: «Я подумаю, но торопиться не стоит. Я позвал вас обоих сегодня и по другому поводу».

Ли Чжаоин на миг застыл, но мгновенно овладел собой и спокойно произнес: «Отец, я слушаю».

«Через несколько дней — Праздник Середины Осени, и во дворце непременно будет пир. По милости императора мы все обязаны явиться. Чжаоин только вернулся и не знаком с чанъаньским обществом. Боюсь, при дворе он может допустить оплошность. Поэтому ваша мать предложила через три дня устроить в резиденции прием для родных и друзей. Вот предварительный список гостей. Посмотрите, не нужно ли кого добавить».

Ли Чжаоин встал, взял список и передал его Ли Гуаньцзину: «Я никого не знаю. Брат, будь добр, взгляни».

Ли Гуаньцзин не стал отказываться, принял список и успокоил: «Не переживай. После приема всех узнаешь».

Князь с улыбкой наблюдал, как Ли Гуаньцзин листает список, а Ли Чжаоин заглядывает через плечо. Но вскоре он о чем-то вспомнил, улыбка не сходила с его лица, а вот взгляд стал холодным. Решив нарушить эту идиллию, он спросил Ли Гуаньцзина: «Служанки из твоего двора только что докладывали: с утра до сих пор ты ничего не ел. Правда?»

Ли Гуаньцзин замер, осторожно взглянул на князя и по его бесстрастному виду понял — отец недоволен. Он поспешно ответил: «Забыл, забыл! Сейчас же пойду поем».

«Поешь у матери», — распорядился князь.

«Это...» — Ли Гуаньцзину не хотелось есть на виду у целой комнаты людей.

Ли Чжаоин посмотрел на князя, потом на Ли Гуаньцзина и с улыбкой предложил: «Если я останусь, брату будет неловко. Может, я пойду к себе, а позже загляну в твой двор?»

Услышав это, Ли Гуаньцзин почувствовал облегчение и кивнул в знак согласия.

Когда Ли Чжаоин ушел, Ли Гуаньцзин привел список в порядок и уже собрался встать, как князь спокойно произнес: «Посиди еще».

Ли Гуаньцзин удивился, но потом до него дошло: князь нарочно отослал Ли Чжаоина, чтобы поговорить с ним наедине.

«Недавно ты был настороже, а теперь снова стал рассеянным», — слегка нахмурился князь.

Ли Гуаньцзин на миг задумался, догадался и уточнил: «Айе, вы о Чжаоине?»

Князь не ответил, лишь сказал: «Расскажи, что ты о нем думаешь».

«Мягкий, скромный, добрый, рассудительный».

Князь никак не отреагировал на эту оценку и жестом велел продолжать.

Ли Гуаньцзин помедлил: «Доктор Фан когда-то говорила, что несколько лет назад видела меня, но я ее не помню. Раньше я полагал, что она видела Чжаоина, поэтому вчера, встретив его впервые, очень удивился».

«И даже после этого ты оставил сомнения и поверил ему?»

«Чжаоин действительно был ко мне добр, это не притворство», — сказал Ли Гуаньцзин и вздохнул. «В меру сил я могу исполнять долг старшего брата».

Князь покачал головой, явно не соглашаясь.

Ли Гуаньцзин внимательно посмотрел на отца: «Последние два дня я много думал. Раньше мне казалось, мама не слишком заботится о Чжаоине, потому что он не воспитывался при ней. Но теперь я понимаю... Он ведь на самом деле не мой брат?»

Взгляд князя стал ледяным.

Ли Гуаньцзин понял, что его догадка верна, и ему стало еще интереснее. Если князь с княгиней давно знали, что этот «Ли Чжаоин» не их сын, почему молчали? А кто он тогда? Его черты так похожи на отцовские... Неужели... Ли Гуаньцзин ахнул: «Неужели он действительно ваш сын, но не от мамы?»

Князь, наблюдая, как лицо сына меняется, сначала обрадовался его прозрению, но, услышав такие слова, мгновенно помрачнел и рявкнул: «Что за чушь?!»

Ли Гуаньцзин съежился, вспомнив, как несколько дней назад во время ссоры князь клялся, что у него лишь двое детей. А он тут же намекает на внебрачного сына! Будь он на месте отца, тоже бы взбесился.

Князь с досадой взглянул на сына: раз тот уже заметил неладное, можно не объяснять лишнего. Да и личность Ли Чжаоина лучше не раскрывать — неосторожностью Ли Гуаньцзин может втянуть себя в беду, и все годы попечений родителей пойдут прахом.

Ли Гуаньцзин смущенно потер ухо и тихо спросил: «А Чжаоин...»

«Иди поешь, не заставляй мать ждать!» — князь снова прогнал его той же отговоркой.

Ли Гуаньцзин рассердился: «Каждый раз, когда дело доходит до главного, ты так поступаешь! Хочешь, чтоб я с ума сошел?»

Князь явно не ожидал сопротивления и на миг замер, прежде чем сказать: «Просто будь осторожен. Остальное тебе знать не нужно».

Ли Гуаньцзин прижал левую руку к груди, правую упер в бок, глубоко вздохнул — вид у него

был самый что ни на есть обиженный — и произнес по слогам: «Я! Хочу! Знать! Правду!»

Князь нахмурился, глаза вспыхнули.

Ли Гуаньцзин опередил его, подошел к столу, уперся в него руками и твердо сказал: «Что со мной происходило все эти годы, думаю, перечислять не нужно. Неужели даже после этого ты считаешь, что я могу оставаться в стороне? Я ничего толком не знаю, умом не блещу, ничего расследовать не могу, и если умру, то наверняка стану несчастным духом, которому и переродиться не светит!»

Князь ударил по столу: «Спрашивай, если надо! К чему себя проклинать?!»

Отцовский крик прочистил голову Ли Гуаньцзину. Он немного остыл, скрестил руки на груди и уставился на князя холодным взглядом, явно давая понять: не скажешь — не уйду.

Князь подпер голову рукой, махнул другой: «Сначала поешь, потом вернешься. Спрашивай что хочешь».

Ли Гуаньцзин с подозрением: «Ты не сбежишь?»

«Ищешь, чтобы я тебя отлупил?»

Ли Гуаньцзин поспешно прикрыл голову и ретировался, отправившись в покои матери поесть.

Шум в кабинете — стук по столу, швыряние книг — не мог остаться незамеченным. Но, увидев, что Ли Гуаньцзин выглядит изголодавшимся, княгиня не стала его расспрашивать. Позволив поесть, она отпустила его обратно. Ли Гуаньцзин ел с хитрой расчетливостью: быстро, но не демонстрируя дурных манер. Потратив немало усилий, он наконец покинул покои матери и стремглав бросился обратно в кабинет, опасаясь, что князь сбежит. К счастью, отец сдержал слово: раз обещал ответить, значит, ждал за столом.

Ли Гуаньцзин велел Линь Лан и другим удалиться от кабинета, уселся за стол и объявил: «Айе, я начинаю!»

Князь, вынужденный давать ответы, был явно не в духе. Увидев торжествующий вид сына, он и вовсе рассерчал и съязвил: «Что, барабаны бить и фанфары трубить велеть?»

Ли Гуаньцзин смутился: «Нет-нет, Айе, не сердитесь».

Князь фыркнул: «Спрашивай».

Пока ел, Ли Гуаньцзин тщательно обдумал вопросы. Теперь, приступив, он начал с самого начала: «Айе, мой младший брат... он жив?»

Князь помолчал, затем кивнул: «Он вырос, у него есть свое имя. Зовут его Юань Е».

Юань Е.

Когда вдовствующая княгиня подменила второго сына княжеской четы, настоящего «Ли Чжаоина» выбросили в глушь. Князь тогда скрыл это от княгини и признался лишь тогда, когда выяснил, что сын жив. После этого резиденция тайно отправила людей на поиски в Цзяннань. Потратив немало сил, они нашли следы младенца в горах Ланьчжу в Куайцзи. К тому времени ребенок уже подросток, сменил имя и прожил в Куайцзи пять лет.

<http://bllate.org/book/15944/1425350>